

Николай Петрович Вагнер

Два Ивана

Н. П. Вагнер
ДВА ИВАНА

Жило-было два Ивана, два родных брата. Старший брат был совсем умник. Младший Иван был совсем дурак, так что все соседи говорили: «Ну, брат! видно у тебя в голове-то слепая баба помелом вымела, да песочком посыпала!»

Впрочем, все соседи любили Ивашку. «Он дурашный да покладистый! — говорили они, — положишь — лежит, поставишь — стоит». И, правду сказать, был наш Ивашка покладистый. Добреющая душа: всем со всяким делится, всякому поможет. Только не всякий пойдёт к нему за помощью, потому что, известное дело, заставь дурака Богу молиться — он лоб прошибёт.

Казалось бы, такому дураку с голоду надо помереть или по миру побираться, а у него всё шло так, что загляденье: изба новая, крепкая; две лошадки здоровых породистых; своя коровушка, двадцать голов овецек... Одним словом, живёт Ивашка, как заправский мужик. Только вот жены Бог не дал. Женился-было Ивашка, да жена его бросила: больно уж глуп был. Так он и жил — не то парень, не то вдовец.

— Что это Ивашке за счастье, — дивятся соседи, — лошадь у него каждый год жеребится, корова каждый год телится, овцы нанесут ему ягнят! Горох ли засеет, — горох выйдет такой крупный да ядрёный. Репу ли посадит — просто, репа врозь лезет. У соседей неурожай, у Ивашки нет неурожая. Точно на его ниву полосой дождь идёт, углом солнце светит. Видно, правду пословица говорит: «Не родись богат, а родись удачлив».

Совсем другая история с другим Иваном, с умным. Такого умного пойти да поискать — наверно, не найдёшь. Каких только он штук и хитростей не придумает. Были у него на полях мочежинки, — всё осушил: понаделал канавок и отвёл воду. Чем только он не удобрял поля?! Весной, когда снег сходит, он всякую дрянь со двора тащит на поле: старый лапоть, тряпицу,дохлую кошку, крапиву, что по пустырям росла, словом, всё, что попадётся. В огороде сад развёл; на капустных грядках желтофиоли рассадил, да махровые розы. На пчельнике у него разъёмные ульи, складные; на крыше у него мельница вертится, для домашнего обихода муку мелет. В хлеве у него

холмогорская корова по два ведра в день доит; да сорок штук мериносов шпанских, да свиньи чухонские!.. Только всё у него не в прок идёт. Посадит ли он пшеницу-белотурку, глядь, её градом побьёт. Разведёт ли гусей голландских — все гуси переколют. То морозом гречу положит, то червь хлеб подточит, то дождём сено сгноит. Со всех сторон беды да напасти. Нет ни в чём ему ни счастья, ни удачи.

И вот завёл он кур шпанских. Отличные были куры, чёрные, белобородые, а петух — так просто загляденье, точно конь вороной: хвост словно генеральский султан, а гребень так и пышет, как платок кумачный... И что ж?! Всех этих кур в одну ночь лиса передавила. Осталась только одна, маленькая да юркая.

— Постой! — думает Иван, — я тебя, проклятая кума, изловлю; я с тебя сдеру шкуру твою поганую барыне на шубку! И вот смастерил он крепкий капкан и поставил подле лазейки. В ту же ночь попалась кумушка, да ещё какая лиса-то пушистая, чернобурая, краснолапая.

— А, разбойница, добыл я тебя! — радуется Иван. — Рубля два, чай, дадут за твою шкуру, а может быть и больше. А тушку я отдам Кудлашке. — А Кудлашка визжит, лает и радуется, что ей тушка достанется.

Дерёт с кумушки шкуру Иван. а сам песню поёт. Только приходит и Иван-дурак, глядит и дивуется, какую это брат такую лису достал.

— Братай милый, — говорит, — подари мне тушку.

— На что, — говорит, — тебе?

— Да так, — говорит, — больно она мила мне.

— Есть, что ли, её станешь? Её, дурак, не едят люди, а Кудлашка съест.

— Подари, братай, пожалуйста. Я Кудлашке мяса дам.

— На, возьми! — И подарил Иван дураку тушку.

Схватил дурак тушку и унёс к себе.

На другой день собрался Иван-умный в город, на рынок. Повезу, думает, продам шкуру, а на два рубля опять кур куплю.

Выехал он со двора, глядь, а Ивашка дурашный за ним катит, лисью тушку везёт.

— Куда ты, дурашный?

— А я, братец, тушку продавать; хорошая тушка: коль за шкуру деньги дают, так за тушку и подавно.

— Ах ты, дурак, дурак! — хохочет над ним братай, потешается. — Ты бы ещё крысьих тушек набрал, авось, такой же дурак и купил бы.

— Крысья тушка, братай, поганая, её грешно есть. А это, ишь ты какая!.. Мы с тобой в ней скуса не знаем, а बारे все едят.

Приехали братья, вышли на базар, ходят, продают.

— Лисью тушку, братцы, эй, лисью тушку, народ честной, — кричал Иван-дурак, и хохочет над ним народ честной.

Только в ту пору заболей царевна тяжкою немочью. а главный лекарь прописал ей лекарство мудрёное: «Надо, говорит, поймать лису чернобурую, да не собаками, а капканом, и у той лисы вынуть сердце и печёнку, с наговором, да запечь ту печёнку и сердце в пресном пироге и дать царевне съесть рано на заре, с молитвою и приговором, — и всю болезнь как рукой снимет».

И вот принялись искать чернобурую лису. Ищут, ищут по лесам, по горам, да видно, в недобрый час: где её найдёшь, да ещё капканом возьмёшь. Главный ловчий совсем голову потерял, ибо объявлен ему царский приказ: «Коли в два дня лису не представит, так быть ему самому в капкане, в петле глухой, что на перекладине качается». Разослал он всех доезжачих: «Ищите, дескать, лису, а то быть мне без головы». И вот рыщут, ищут. Один доезжачий и на базар пошёл, а на базаре Иван дурашный орёт на всё горло:

— Лисья тушка, по тушку, по тушку лисы чернобурой!

Уцепился за него доезжачий обеими руками:

— Что просишь за тушку?

— Пятьдесят рублёвиков, да пять алтын на чай.

— Ах ты дурак!.. Это за лисью тушку-то; протри глаза-то, проснись. Что ты, разве есть её будешь?

— Нет, я, друг, её не ем, а твоё здоровье на неё, верно, ластится. Коли тебе бы она была не надобна, ты бы не торговал, а я не просил

бы пятьдесят рублей. Нечего делать, повели Ивашку к главному ловчему: «Вот, дескать, пятьдесят рублей просит да пять алтын на чай». А главный ловчий: «Давайте, давайте, кричит, царская казна всё заплатит».

И вот отсчитали Ивану-дураку пятьдесят рубликов, да пять алтын на чай, да лёгонького подзатыльника вдогонку: «вот, дескать, дурак, проси впредь, да с оглядкой!»

А Иван-умный целый день проходил со шкуркой; к вечеру наконец напал на купца, дал он ему за лису рубль с гривной, да и то на пятак обсчитал.

— Вот, — говорит Иван-дурак брату, — я говорил, братай, что баре и лису едят...

— Молчи, дурак, — говорит братай, — да Бога благодари за твоё дурацкое счастье.

Вот к концу лета стал Иван-умный мёд ломать. Наломал он его из своих разборных ульев гибель, наложил он его в кадки, разобрал как следует и приготовился в город продавать везти. Только приходит к нему Ивашка-дурашный и дивуется, сколько братай мёду наломал; а братай на это лето последнюю колоду в разъёмный улей перегнал и свалил

он эту колоду подле омшаника; а колода большущая, старая-престарая, трухлявая, гнилая, вся так и сыплется.

— Ах, братай, — говорит Иван-дурак, — отдай ты мне эту колоду, пожалуйста, отдай.

— На что тебе, дурашный, колоду. Ведь она гнильё, в огне не горит, врозь ползёт, как прах сыплется. — И пнул он ногой колоду так, что она крякнула.

— Ничего, братай, мне пригодится! отдай, пожалуйста!

— Возьми, — говорит, — мне она даром не нужна.

И вот собрался Иван-умный мёд продавать везти. Глядь, а за ним Иван-дурак едет и колоду везёт, рогожей её покрыл. Запряг своего бурко, — а бурко, лошадь здоровенная, — и насилиу он эту колоду прёт.

— Куда ты это, дурашный?

— А я, братай, колоду продавать; колода большущая, может, кому-нибудь и спонадобится.

— Ах ты, дурак, дурак!.. Лошадь-то только ты, дурень, измучаешь. Родятся же на свете такие олухи!

Приехали братья на базар, а в тот год, как нарочно, на мёд урожай приключился. Целый базар мёдом завален. По рублю за пуд дают, да и то за первый сорт.

Ходит по базару купчина-брюхан, старый-престарый, седой-расседой, а с ним приказчик, парень степенный. Подходят они к Ивану-дураку.

— Что, добрый человек, продаёшь?

А добрый человек вытаращил свои большущие дурацкие глаза и рот открыл, дивуется на брюхана-купца!

— А я, — говорит, — гляжу на тя, да дивуюсь, ровно ты моя колода!.. — И показал он купцу колоду. — Это, говорит, мне братай подарил, я и продаю.

— Ах ты, дурень, дурень!.. да и брат-то твой дурак: как это можно колоду продавать, все пчёлы изведутся...

А сам купчина думает: «Семка, возьму я у него колоду — вот счастье-то мне привалит. Он же этакой дурашный, должно быть блажной». И глаза у купчины разгорелись.

— А что, — говорит, — друг, за колоду про- сишь?

— Да сто рублей!

— Ха! ха! ха!.. Ах ты, дурак! Да вся ей цена полтина без гривны!..

Прикрыл опять дурак колоду рогожей и шапкой тряхнул, отвернулся от купца.

— Мы, дескать, знаем цену; нас не надуешь.

Отвернулся от него купчина, пошёл по базару, а сам всё на колоду зарится. «Экой дурень, — думает. — А была бы та колода мне очень способна. Чай в первый же год она бы дала вод пчёлам. А то воду им нет, всё неурожай да неурожай...»

Подходит опять купец к Ивану-дураку.

— Ну что, — говорит, — друг, надумался ли; а я тебе, так и быть, за колоду-то дам рубль да ещё поднесу тебе на купле.

Молчит Иван-дурак, только знай, что за обе щёки каравай уминает.

— Сто рублей! — говорит. — Коли тебе колода способна, то сто рублей не жалея: на счастье купишь.

Ничего не сказал купец, отвернулся и пошёл.

— Что, — спрашивает он приказчика, —

купить нам на счастье колоду-то или нет?..

— Отчего не купить? — гудит приказчик. Известно, счастье да удача от Бога; ну, однако, стары люди говорят, что и хорошая колода из чужой пасеки счастье приносит, а эта не из простой пасеки, — у его брата, слышишь, пчёлкам вод хороший.

Повернулся опять купец, подошёл к Ивану.

— Ну, — говорит, — облюбилась мне колода, да и ты хороший человек — даю тебе десять рублей. Тащи ко мне колоду.

Молчит Иван-дурак, только знай каравай уписывает.

— Давай, — говорит, — сто рублей, — а то полтора ста запрошу!

— Ах ты, дурак, дурак! — вскинулся на него купчина. — Да ты очнись, дурашник ты, бестолочь чухонская: ведь ты за простую колоду экую цену ломишь, ведь я только так, для счастья, по нраву моему хочу купить её!

— А коли для счастья, по нраву своему хочешь купить, так ты, милый человек, ста рублей не жалея. Пожалеешь сто рублей, тысячу потеряешь. Вот что!

Делать нечего... Распоясался купчина, от-

считал Иван-дураку сто рублей, да не просто, а с наговором: уж он честил, честил его на все корки, инда до тошноты.

— Да ты умеешь ли, дурень, считать-то? — говорит.

— Об этом не хлопочи, — говорит, — милый человек, отлично сосчитаю.

И подлинно, считать был горазд Иван-дурак. А с другим братом другая история: в силу к вечеру продал он мёд за двадцать рублей, да и то наполовину в долг.

Едет он домой, думу думает: отчего ему во всём неудача; а Иван-дурак за ним катит, и сто рублей в кошельке брянчат.

— Вот, — говорит, — братай, колоду-то ты мне подарил, — спонадобилась она: за сто рублей купцу сбыл!

Посмотрел на него братай...

— Плюнул бы, — говорит, — на тебя, дурака, да плевка жалко.

Проходит год или два, и слух прошёл по земле: говорят, царь свою волю объявляет, вызывает досужих людей, кто во что горазд, чтобы показали царю своё досужество.

И точно, едут глашатаи по всей земле, цар-

ский указ объявляют: «Сведомо нам, гласит указ, что в земле есть досужие люди, кои всякие художества измышляют. Занятно нам о том ведать, дабы не одна штука, к чему ли способная, не могла даром сгибнуть. В силу сего объявляем о том воеводам и губным старостам, дабы они тех досужих людей к нам препровождали, того ради для, дабы сии люди нам свой талант показали. А для сего назначаем через три года Юрьев день, в него же будет большой сбор со всей земли и будет наше царское смотрение!»

И вот прослушали царскую волю Иван-умный и Ивашка-дурашный. Задумался Иван-умный.

«Что же, — думает, — недаром мне Бог ум дал. Подумаю, авось что-нибудь и надумаю». Думал он два года, на третий придумал. Смастерил он машину большую, хитрую, прехитрую: сама веет, сама мелет, сама выгребает. Дивуется весь народ на эту машину и говорит, что в ней нечистый сидит и всем делом заправляет.

Настал наконец Юрьев день, царское смотрение. Собрались со всех сторон досужие лю-

ди, весь царский двор битком набили. На высоком крыльце сидят всё бояре да думные дьяки, а вокруг них стоит почётная стража.

И вот загудели бубны и литавры, выходит царь на смотрение, а глашатаи кричат, вызывают:

— Эй, добрые люди, придите, покажите, кто во что горазд.

И стали выходить добрые люди, всякий свою сноровку и умение показывает. Кто идёт с новым гудком, кто с новой балалайкой, кто с сапогами немецкими, что носки врозь выворочены. Кто просто с пирогами, что жена напекла, да впрок засушила. Но больше всего идёт народ честной со всякими машинами да струментами. И было тут столько этих машин, что Иванова машина исчезла в них как капля в море, точно её и не бывало.

Только как кончилось смотрение, кто-то сзади кричит:

— Эй, люди, расступитесь, я ещё своё досужество покажу!

И люди расступились. Идёт Иван-дурак, и все на него дивуются, что за пугало такое движется. И подлинно: вырядился он хуже пуга-

ла воронья. Всё, что было у него в сундуке платья, всё на себя навертел; была шубка заячья, и ту надел, да не просто, а шерстью вверх: «Вот, дескать, коли царю занято моё досужество посмотреть, так я всё ему покажу: на, мол, царская милость, смотри!» И несёт Иван-дурак в руках не разберёшь что: взял он жердь, согнул её в дугу, стянул её жилой, толстой и звонкой, а к дуге прицепил-подвесил сковороды, заслонки, колокола, ширкунцы, бубенчики.

Подошёл Иван-дурак к царю, поклонился. Отставил одну ножку вперёд, опёрся на жердь, да как дёрнет за струну, — батюшки мои!

— Дз! бум, динь, динь, бум, бум! — такой звон пошёл, что всё собрание покатилося со смеху; даже сам царь засмеялся.

— Этакого досужества, — говорит, — мы ещё не видали! Из какой ты волости, добрый человек?

— Волости я не ведаю, а зовут меня Ивашка-дурашный, — и опять как дёрнет за струну! — Бзз, бум, динь, динь!.. — такой опять звон пошёл.

— Вот, дескать, — говорит, — царская милость, моё старание — любо тебе или нет?!

— Любо, любо! — говорит царь.

— А честный ты человек, или нет? — спрашивает царь.

— Честный, честный, — говорит народ честной.

— То-то и есть... лучше быть дураком да честным, чем умным да мошенником.

И посмотрел тут царь на многих, и многие при этом глаза потупили.

— А хочешь ли ты, — спрашивает опять царь, подумав немного, — хочешь ли ты, честный человек, быть моим казначеем?..

— Как не хотеть, вестимо, хочу, — говорит Ивашка, и поклонился царю в ноги.

— А умеешь ли ты считать?

— О! считать-то он горазд, всякого плута обочтёт!.. — кричит народ честной.

И взял царь Ивашку-дурака к себе в казначеи.

А умный Иван поехал с смотренья ни с чем. Едет он и злится-злится:

— Я, — говорит, — подожду, подожду, пока народ честной узнает, что за штука за такая

счастье да удача, да пока дуракам счастья на свете не будет!

Ну, и ждёт он до сих пор, всё ещё не дождался!